Анна Шнайдер
Тьма императора.
Жизнь на двоих
Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Анна Шнайдер

Тьма императора. Жизнь на двоих

Серия «Альганна», книга 3

Серия «Альганна»

Серия «Тьма императора», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64884227
Тьма императора. Жизнь на двоих: Роман / Рис. на переплете Е.Никольской: Альфа-книга; Москва; 2021
ISBN 978-5-9922-3244-8

Аннотация

Венец Альго не предполагает выбора между долгом и любовью. Император обязан следовать долгу всегда и не рисковать жизнью, рассудком и империей ради призрачного шанса воскресить любимую.

Но даже у императоров есть чувства и слабости.

Содержание

Глава первая 4
Глава вторая 28
Глава третья 49
Глава четвертая 74
Конец ознакомительного фрагмента. 76

Анна Шнайдер
Тьма императора. Жизнь на двоих

Глава первая

Большой черный ворон парил в потоках ледяного ветра. Плавно взмахивая крыльями, он летел в сторону императорского дворца, рассекая воздух и осматривая окружающее пространство зорким взглядом темных глаз.

Птица не успела даже вскрикнуть – за мгновение она была снесена стеной ослепительного огня. Пламя ударило вертикально вверх, в небо, образуя прямоугольную клетку, а затем понеслось в центр, выжигая все: дома, деревья, животных и людей. Наткнулось на полупрозрачный купол магического щита, созданного будто бы из воздуха, заревело сильнее – и начало стремительно уничтожать этот купол. С каждой секундой он иссякал, становясь тоньше, и, в конце концов торжествующе вспыхнув, пламя ринулось дальше, сжигая то, что находилось в центре огненной клетки. Несколько мгновений побесновалось, подняв с земли тонны черного раскаленного пепла, и опало – словно и не пламя это вовсе, а вода, ушедшая теперь под землю.

Остался только пепел.

Угольно-черный, обжигающе горячий – будто след от огромного сгоревшего костра на месте четырех домов в центре Старой Грааги. Он оседал мучительно медленно, не давая ни на шаг приблизиться к тому, что сияло там, впереди, в самом сердце пепла.

Ослепительная яркость абсолютного энергетического щита была обманчива – казалось, что в этом сиянии нет места смерти, но смерть там все же была.

Вано Вагариус, ощущая нестерпимую боль в груди, отвернулся и посмотрел на стоящего рядом охранника.

– Юст, что с докладом Дайду и его величеству?

– Я все сделал, как вы просили, – сказал мужчина. Голос его слегка дрожал. – Передал сигнал немедленной тревоги всем постам, императору в том числе.

– Хорошо, – кивнул Вано. Что ж, теперь оставалось только ждать.

Вагариус вновь посмотрел вперед, на оседающий пепел. Контурный щит светился не менее ярко, чем раньше, обжигая своим свечением глаза Вано.

– Софи, – прошептал он почти неслышно. – Бедная моя девочка.

Услышав, что возле Императорского музея открылась портальная ловушка, император, попросив Анну остаться с Александром, сразу шагнул в камин и начал строить про-

странственный лифт к крыльцу музея. Двадцать секунд на построение лифта, вписанная константа перемещения… и стены лифта осыпались. Перенос был заблокирован.

Арен, выругавшись, попробовал другие координаты, чуть подальше от здания музея. То же самое. Тот, кто готовил ловушку для Агаты, хорошо все продумал, понимая – если император успеет перенестись, успеет и спасти дочь.

Но Арен не успевал.

Он, теряя драгоценное время, пробовал координаты все дальше и дальше от музея, и к моменту, когда наконец смог вписать константу и стены лифта засветились, перенося его в город, прошло уже почти две минуты.

Переместиться получилось только в конец улицы – за десять домов от музея, – и Арен, дождавшись, когда стены лифта истаят, со всех ног побежал вперед, туда, где пульсировала темная энергия Геенны. Он не обращал внимания на людей, застывших посреди улицы с открытыми ртами и глазами, полными ужаса, – он просто бежал. Так быстро, как мог. Браслет связи на запястье вибрировал, но отвечать или смотреть на экран Арену было некогда.

Император видел, что огонь портальной ловушки удерживается на месте щитом родовой магии Вано, но не иссякает. Значит, пламя еще не достигло цели, не нашло носителя портального ключа и не сожгло его.

И только Арен подумал это, как огонь исчез, будто его и не было, оставив после себя черную дыру, наполненную горь-

ким пеплом.

– Ваше величество! – крикнул Вагариус, наконец заметив несущегося сломя голову с другого конца улицы императора.

Арен не остановился – пробежал мимо Вано, нырнул в пепел и едва не споткнулся, вдруг осознав, что именно находится перед ним.

Император ощущал дочь родовой магией, он понимал, что она должна быть жива, и сейчас бежал к ней. Там, впереди, действительно была Агата, живая и невредимая – только не отзывалась ментально, словно находилась в глубоком обмороке. Тело ее светилось…

Арен моргнул, вздохнув впервые с того момента, как вбежал в сожженную портальной ловушкой зону. Пепел вошел в легкие, и император закашлялся – родовая магия защищала его от жара, но не от пепла. Быстро поставил воздушную преграду и, сжав зубы, пошел дальше.

Он прекрасно знал, как выглядит кокон абсолютного энергетического щита, хоть и не видел его ни разу до этого момента.

И прекрасно чувствовал, чей именно контур оплетает тело дочери.

София…

Арен опустился на колени рядом с Агатой, ощущая, как режет глаза. Их словно ножом кололо, а в груди вместо сердца бился комок боли.

София…

Сквозь сияние энергетического контура император видел бледное лицо дочери – Агата была обнаженной, но пепел на ее тело не ложился – долетая до щита, летел в сторону, не трогая светящуюся паутину.

София…

Хотелось завыть, как дикому зверю.

Арен протянул руку к щеке дочери и коснулся кончиками пальцев того, что осталось от его маленькой аньян. Горячий, но не обжигающий, чистый свет… который, скорее всего, иссякнет через пару секунд.

Абсолютный энергетический щит должен исчезнуть, как только исчезнет опасность.

Арен нахмурился, он не понимал…

Опасность уже исчезла. В тот самый миг, когда иссякла портальная ловушка – пепел Агате был уже не страшен.

Однако щит продолжал светиться.

После того как император вошел в пепел, прошла еще минута – и возле здания музея наконец стали загораться пространственные лифты. Из самого первого вышел бледный и злой, как тысяча демонов, Гектор Дайд.

– Где его величество? – буркнул он, подходя к Вагариусу.

Вано кивнул на то, что осталось на месте ловушки.

– Ясно. – Морщины на лбу главного дознавателя чуть разгладились. – Он не отвечает по браслету, я уже думал, что… – Гектор осекся, вглядываясь в оседающий пепел. –

Это…

– Да, – сказал Вано, потирая грудь. – Абсолютный энергетический щит. Моя София…

– Демоны! – выругался Дайд, глядя на эти движения, и, обернувшись к своим подоспевшим сотрудникам, заорал: – Врачей сюда, быстро!!!

Бригада «скорой помощи» Императорского госпиталя вышла из пространственного лифта еще секунд через тридцать, и Гектор, усадив побледневшего безопасника на землю, передал его докторам, а сам поспешил к зданию музея, изумленно оглядываясь на то, что осталось от травы и деревьев возле близлежащих зданий. Растения тоже словно тронуло огнем портальной ловушки, хотя на самом деле это был вовсе не огонь, а родовая магия императрицы.

Она сама обнаружилась лежащей на скамейке возле входа в музей. Рядом стоял мрачный охранник. Увидев Гектора, он вытянулся по стойке «смирно» и доложил:

– Ее величество в обмороке, айл Дайд.

– Сюда тоже нужен врач, – пробормотал дознаватель. – И, возможно, не один… Еще пострадавшие среди выживших имеются?

– Нет. В основном все находились в здании музея, вход был перекрыт по приказу Вагариуса, как только… это началось. На улице оказалось человек десять, они тоже сейчас внутри.

– Отлично. Пока не выпускать, – кивнул Гектор. Вернулся

к площадке для пространственных лифтов, нашел еще одну бригаду врачей, послал их к императрице, распределил работу среди собственных сотрудников, а потом, убедившись, что пепел достаточно остыл, пошел к его величеству.

Шло время, но сияние абсолютного энергетического щита не иссякало.

И Агата в себя тоже не приходила.

Арен не понимал, что все это значит. Он пытался позвать дочь ментально, но она молчала, а слишком сильно давить на сознание император боялся.

Исследование щита ничего не дало. Он был таким, как на изображениях – кокон из энергетического контура, сияющий и плотный. Но почему-то не исчезал.

– Ваше величество…

Арен обернулся – к нему сквозь пепел шел Гектор Дайд, и эмоции его так сильно горчили, что император немедленно поставил эмпатический щит.

– Доложи обстановку, – сказал Арен хрипло.

– Императрица в обмороке, у Вагариуса сердечный приступ и магическое перенапряжение, – отчеканил дознаватель, хмуро глядя на Агату. – Общее число… пострадавших уточняется. Я отправил своих осматривать территорию и опрашивать свидетелей. Ваше величество… – Гектор вновь посмотрел на императора. – Я думаю, вам с ее величеством императрицей и Вано надо в госпиталь.

– Да, Викторию и Вано можно отправить пространственным лифтом. Как… – Арен запнулся – дышать было демонски трудно, а говорить – еще труднее. – Как Вано?

– Жив, – буркнул Дайд. – Больше ничего хорошего я сказать не могу.

Император кивнул, понимая, что эмпатический щит сегодня точно лучше не снимать – иначе эмоции окружающих, особенно Вагариуса, могут свести его с ума. А Арен и так с трудом держался.

– Как думаешь, почему он не иссякает? – спросил император, вновь глядя на дочь в сиянии контурного щита.

– Я не знаю, ваше величество, – ответил Гектор, и в голосе его была печаль. – Я впервые вижу подобное. Могу лишь предположить…

– Предполагай.

– Посмотрите на руки, – продолжил Дайд после секундной заминки. – Руки ее высочества. Видите? Пальцами она цепляется за контур. Вероятно, именно это не позволяет щиту исчезнуть.

Арен опустил взгляд – и понял, что Гектор, скорее всего, прав. Как он сразу не заметил? Агата с силой сжимала кулаки и держалась за паутину контура так, словно на ее месте были руки Софии.

София…

Император, вновь ощутив, что не способен дышать, на секунду закрыл глаза, пытаясь справиться с собственными

чувствами.

– Ее высочеству нужно в госпиталь, – задумчиво продолжал между тем Гектор. – Но как ее туда доставить? Выдержит ли контурный щит транспортировку…

«Контурный».

Арен распахнул глаза, неожиданно почувствовав, что вновь может дышать. Кольнуло надеждой – глупой, хрупкой, почти не осуществимой…

– Гектор, вызови сюда Эн Арманиус, – прохрипел император с трудом. – И поскорее.

Эн Арманиус в настоящий момент была единственным в Альганне специалистом по восстановлению сломанных энергетических контуров. В случае с абсолютным энергетическим щитом о восстановлении речь не шла, но… надо же было с чего-то начать?

Эн вышла из пространственного лифта в сопровождении главного врача Императорского госпиталя Брайона Валлиуса через пару минут после того, как Арен приказал Гектору вызвать ее. Дознаватель проводил их с главврачом к месту, где находились император с Агатой, и сам остался здесь же, наблюдая за тем, как Эн садится рядом с наследницей и задумчиво изучает рисунок контурного щита. Потом она достала из сумки перчатки из драконьей кожи, надела их и начала осторожно щупать контур. Без перчаток дотрагиваться до него, не рискуя получить ожог, могли только члены семьи

Альго.

– С наследницей все в порядке, – сказала она через минуту, поглядев сначала на Валлиуса, а затем на Арена. – По крайней мере, в настоящий момент. Что же касается щита… Он не исчезает, потому что ее высочество держит контур и питает его своей жизненной силой. Как только отпустит – щит иссякнет.

Императору показалось или дочь сильнее сжала кулаки?

– Она сможет держать контур подобным образом примерно трое суток, – продолжала Эн. Голос ее был типичным голосом врача – спокойным и бесстрастным. – Если хотите, я могу сделать так, что ее высочество отпустит контур прямо сейчас. Ну или вы можете ментально сами попросить ее об этом. Я думаю, она вас услышит.

Арена затошнило. Попросить Агату отпустить Софию? Чтобы она потом всю жизнь считала себя виноватой в ее смерти?!

– Эн, – произнес он сипло, – ты считаешь, здесь ничего нельзя сделать?

Эн, чуть нахмурившись, поглядела на императора с удивлением.

– Такого не бывает, – сказала она резко. – Всегда можно что-нибудь сделать. Я только не гарантирую хороших результатов.

– Я понимаю. Сделай, если можешь, Эн. Я прошу.

Наверное, Эн в этот момент была поражена – Арен ви-

дел по глазам, но, закрытый эмпатическим щитом, эмоций не ощущал.

– Тогда аккуратно выносите ее высочество к площадке для лифтов, – произнесла Эн, поднимаясь, – и переноситесь в госпиталь.

– А можно переноситься? – уточнил Арен. – Контур не…

– Нет. Контур не исчезнет, пока его не отпустит Агата, ваше величество. Сознательно не отпустит. Пространственные лифты на это никак повлиять не могут.

– Хорошо. – Император повернулся к Дайду: – Гектор, я ухожу. Прошу тебя взять все под контроль и докладывать о результатах по мере необходимости. Как Вано и ее величество?..

– Они уже в госпитале, – отозвался дознаватель, а Валлиус добавил:

– С обоими все в порядке. Ваша жена пришла в себя, с ней работают психотерапевты.

– Ваше величество… – вновь заговорил Гектор, – что делать с… родственниками Софии Тали?

– Пока ничего не сообщать. Позже, – ответил император, наклоняясь над Агатой.

Брать ее на руки было страшно. Арена даже холодный пот прошиб – он опасался, что что-нибудь случится либо с дочерью, либо с контуром Софии.

София… неужели он больше никогда ее не увидит?

Император осторожно подхватил Агату на руки и медлен-

но, боясь дышать, поднял с превращенной в пепел земли. Все осталось, как и прежде – дочь не двигалась, а контур облеплял ее тело, словно вторая кожа.

– Идемте к лифтам, – сказала Эн, и в ее голосе Арену почудилось сочувствие. – Я сама перенесу вас с Агатой.

– Спасибо, – проговорил император, прижимая к себе дочь.

– Пока не за что, – вздохнула Эн.

Обычно по выходным в госпитале было чуть спокойнее, чем в будни, но не в эту субботу. По сигналу тревоги, включенному по приказу Вагариуса, мобилизовали все службы, в том числе и Императорский госпиталь. Заведующие отделений, которые при обычном режиме по выходным на работе отсутствовали, были вынуждены в срочном порядке явиться в госпиталь и теперь толпились возле зала для переносов, ожидая главного врача. Прошло еще слишком мало времени для того, чтобы слухи разошлись в полном объеме, поэтому большинство сотрудников оказались не в курсе произошедшего и ждали дальнейших указаний.

Император с Агатой на руках, Эн и Валлиус вышли из двух лифтов одновременно. Главврач, оглядев застывших в изумлении сотрудников – не каждый день видишь императора, еще и с такой странной ношей, – скомандовал:

– Заведующий реанимационным отделением идет с нами. Остальные пока могут расходиться по своим рабочим ме-

стам. Домой никто не уходит.

Вперед вышел высокий мужчина с густыми черными волосами и направился следом за императором, Эн и Валлиусом, которые уже следовали к лифтам.

– Алекс, в какую палату? – спросила Эн, не оборачиваясь.

– Четыреста пять.

Арен разговоров почти не слышал – он нес Агату как можно осторожнее, стараясь не забывать про эмпатический щит. Ощущать сейчас чужие эмоции он совершенно не хотел – своих было слишком много.

Контур, коконом окружавший дочь, не мерцал и не пульсировал – просто светился, так же ярко, как и прежде, когда Агата лежала на земле среди пепла. И императору казалось, что он несет на руках не только дочь, но и Софию.

Милая маленькая София. Неужели больше никогда?..

– Сюда, – сказала Эн, распахивая перед Ареном створки белой больничной двери.

Палата, в которую вошел император, была очень просторной, с удобной, почти двуспальной койкой, широкой тумбочкой, столом у окна, парой стульев и даже шкафом для одежды – но Арен этого и не заметил. Он аккуратно, не дыша, положил Агату поверх белоснежного покрывала и с тревогой вгляделся в лицо дочери – бледное и по-прежнему безучастное. Она словно спала, но это точно был не сон – иначе Арен уже дозвался бы.

– Около получаса назад возле Императорского музея была

активирована портальная ловушка, – заговорил главврач. – Ее высочество осталась невредимой благодаря тому, что… – Он на секунду запнулся, будто эта мысль его удивляла. – … Что ее аньян стала контурным щитом.

– Аньян? – А вот в голосе реаниматолога было не то что удивление, а настоящий шок.

– Аньян, – вмешалась Эн. – Но давайте не будем терять время. Алекс, вы не могли бы распорядиться, чтобы мне принесли необходимую аппаратуру? Мне нужен «колпак» и…

– Стоп-стоп, – перебил ее заведующий отделением. – Вы что собираетесь делать? Я не очень понимаю. Я не против того, чтобы обеспечить вас оборудованием, но хотел бы знать, что вы планируете предпринять. Я ведь отвечаю за все, что происходит в моем отделении.

– Я пока не знаю, что собираюсь делать, – ответила Эн спокойно. – Это невозможно решить за десять минут. Надо подумать.

– Я прошу прощения, но, на мой взгляд, здесь все ясно. Есть три варианта – надо катализировать сознание либо медикаментозно, либо физически, либо ментально и заставить девочку отпустить контур. Чем скорее она его отпустит, тем лучше.

– Замолчите.

В палате повисла тишина. Арен напряженно смотрел на дочь, теперь уверенный в том, что ему не показалось, и Агата действительно сильнее сжала кулаки.

А еще в уголках глаз он заметил слезы.

«Агата, – позвал император мысленно. – Агата, радость моя, ты слышишь?»

В голове зазвенело от истошного крика.

«НЕТ!!!»

И вновь тишина.

Арен с трудом сделал вдох – в груди болело так, словно у него самого был сердечный приступ – и холодно сказал:

– Во-первых, я прошу вас всех контролировать, что вы говорите при моей дочери. Она слышит и переживает. Во-вторых, я не желаю слышать ни слова о том, что она должна отпустить контур.

– Ваше величество… – начал реаниматолог тоном человека, который собирается уговаривать, но его перебила Эн.

– Агата! – произнесла она громко, делая шаг к койке, и остановилась у императора за спиной. – Меня зовут Эн, три года назад я вылечила твоего дядю Арчибальда. Не волнуйся, я постараюсь сделать все, чтобы вернуть твою аньян. – Девушка запнулась, задержав дыхание, а потом ответила: – Да, я обещаю.

Значит, Агата говорила с ней ментально? Арен не успел спросить – Эн прояснила все сама.

– Но больше не обращайся ко мне мысленно, иначе быстро устанешь. И расслабь немного руки. Не бойся, контур от этого не исчезнет, наоборот, тебе станет легче его держать.

Кулаки дочери после этих слов действительно чуть разжа-

лись.

– Алекс, давайте выйдем, я все вам объясню, – продолжала Эн. – Брайон, и вам тоже. Ваше величество… вы пока можете побыть здесь, я потом еще раз отдельно вам все расскажу.

В другой день Арен улыбнулся бы этому «вы пока можете» по отношению к императору. Но не сегодня. Он вообще не был уверен в том, что теперь когда-нибудь сможет улыбаться.

Арен кивнул, и трое врачей тихо вышли в коридор. Они разговаривали минут пять, и их почти не было слышно – только заведующий реанимационным отделением один раз возмущенно воскликнул: «Эн!» – но потом вновь все стихло.

Император сел на койку рядом с Агатой и погладил дочь по руке, задевая энергетический щит Софии. Чистое и теплое сияние… Неудивительно, что она смогла превратиться в свет. Она ведь была чистейшим созданием…

«Нет, – подумал Арен и снова начал задыхаться. – Никаких «была». София есть. Она еще не исчезла».

Тихо открылась дверь, и в палату вошла Эн. Приблизилась к койке и, встав рядом, негромко сказала:

– Ваше величество, я могу… объяснить, что собираюсь сделать?

– Да, конечно, – глухо ответил Арен, не поднимая головы – он продолжал смотреть на дочь. – Рассказывай.

– Есть такой врачебный постулат: мага нельзя считать

мертвым, пока у него светится контур. Этот постулат позволяет мне, скажем так… совершать некоторые манипуляции, поскольку, пока человек жив, врач обязан его лечить. И сейчас мы, по сути, не можем отказать пострадавшей в лечении. Не важно, по какой причине контур светится и откуда берется жизненная сила. Именно это я и сказала Алексу. Но так как случай беспрецедентный, завтра мне придется выступить на врачебном консилиуме, изложить аргументы и предоставить план лечения. Которого у меня, правда, пока нет. Но я думаю, будет. А сейчас я собираюсь подсоединить вашу дочь к силовым накопителям, чтобы она не тратила жизненную энергию на поддержание контура, поставить «колпак», чтобы можно было следить за ее физическим состоянием, ну и… да, составлять план. Так что вы, в принципе, можете идти. Я теперь буду с Агатой. Там, кстати, перед палатой уже куча охраны, Гектор прислал. Поэтому можете не волноваться.

Император наклонился и, коснувшись ладони дочери – а заодно и контура Софии – губами, поднялся с койки.

– Я зайду позже. Если будет необходимость, связывайся со мной по браслету.

Эн кивнула и, мгновение помешкав, неуверенно спросила:

– Напомните, пожалуйста… как ее звали? Вы называли имя, когда говорили с Гектором, но я забыла. Простите.

– София, – ответил император, не понимая, какое отно-

шение это имеет к лечению. – Ее зовут София.

– София… – повторила Эн, глядя на сияющий кокон, в котором находилась Агата. – Спасибо, ваше величество.

Возле палаты действительно стояло четверо безопасников, вытянувшихся по струнке, как только Арен вышел в коридор.

Теперь первым делом нужно было навестить Викторию и Вано, но где они сейчас, император не имел понятия.

– Вы знаете, где Вагариус и моя жена? – поинтересовался Арен у старшего из охранников.

– В терапии, ваше величество, – ответил мужчина. – Густав вас проводит.

– Есть, – услужливо кивнул молодой парень, но император остановил его, покачав головой.

– Не надо. Оставайтесь на посту. Я перенесусь туда. Какой этаж?

– Второй, ваше величество.

Через полминуты Арен вышел из лифта посреди коридора в терапевтическом отделении. Именно здесь работала Эн, но поместить сюда Агату сейчас не могли – всех, кто находился без сознания, отправляли в реанимацию.

Проходящие мимо императора врачи и медсестры, здороваясь, кланялись и глядели на него кто сочувственно, кто с любопытством, но были и испуганные взгляды. Причем чаще всего эти взгляды принадлежали врачам-аристократам.

– В какой палате лежит моя жена? – спросил Арен у невысокого коренастого мужчины в белом халате. Только когда тот ответил, император подумал, что главный врач наверняка должен был написать ему на браслет связи и, покосившись на экран, действительно увидел отчет от Валлиуса. Совсем голова не работает… хотя это неудивительно.

Вагариус и Виктория находились в соседних палатах, и Арен, помешкав, зашел сначала туда, где лежал безопасник. Неизвестно, сколько продлится разговор с женой – если она, конечно, способна разговаривать, – а вот встреча с Вано долгой точно не будет.

Хмурый и недовольный Вагариус обнаружился у окна больничной палаты. Он пил морс из большой белой чашки и был почти полностью одет – только китель висел на спинке стоявшего рядом стула.

– Ваше величество, – сказал Вано, сразу поставив чашку на подоконник, – я хотел бы узнать…

– Энергетический контур Софии так и не исчез, – перебил его император. В груди вновь все сжалось, но Арен не обратил на это внимания. Некогда. – Я перенес Агату сюда, она сейчас в реанимации. Моя дочь держит твою внучку, Вано.

Безопасник смотрел на него широко открытыми глазами, на самом дне которых императору чудилась надежда.

А еще эти глаза были такими же серыми, как…

– Сейчас ими обеими занимается Эн Арманиус, – продолжил Арен с трудом. – Я не знаю, что она собирается делать.

И она пока не знает. Но она обещала и мне, и моей дочери, что постарается вернуть Софию.

Вагариус сглотнул.

– Ваше величество…

– Не надо, Вано, – оборвал его император. – Не говори ничего. Я не собираюсь тебя обнадеживать – абсолютный энергетический щит считается невозвратным заклинанием.

– Магов со сломанным контуром раньше тоже считали безнадежно больными. Но Эн ведь нашла решение, вылечила вашего брата… – сказал Вагариус негромко – он, как и Арен, цеплялся за соломинку.

– Вано, – вновь прервал безопасника император, – что говорят врачи? Тебе можно уйти из госпиталя или лучше оставаться здесь?

– Мне нужно уйти из госпиталя. – Вагариус упрямо поджал губы. – Не важно, что они говорят.

– Важно. Я не хочу потерять тебя. Мне нужна твоя помощь, Вано. Что они говорят?

Глава комитета безопасности чуть слышно вздохнул.

– Говорят, что лучше подождать хотя бы до вечера. Но кто-то ведь должен сообщить матери Софии.

– Да. – Император на пару мгновений задумался. – Тогда иди сейчас к ней. Приведешь сюда, все расскажешь, можете поговорить с Эн. Когда я освобожусь, тоже пообщаюсь с мамой Софии. А затем ты будешь лежать в госпитале как минимум до завтра.

Вагариус поморщился, но кивнул.

– Да, ваше величество. А… что я могу рассказывать? Кем работала София – могу?

– Можешь. Пока в сохранении этой тайны нет никакого смысла. А потом разберемся.

Идти к Виктории не хотелось до тошноты, несмотря на эмпатический щит. Для полноты счастья Арену только ее истерики не хватало.

Морщась от предчувствия очередного скандала, император изучил отчет Валлиуса о состоянии Виктории. Физически она была в порядке, а вот эмоционально…

Однако поговорить с женой нужно было, поэтому Арен, на всякий случай еще немного укрепив щит, открыл дверь в палату, где лежала Виктория, и шагнул внутрь.

Она сидела за столом у окна и смотрела на улицу. Как и Вагариус, Виктория так и не переоделась. Услышав шаги, она вскочила и посмотрела на императора широко распахнутыми заплаканными глазами.

– Арен…

– С Агатой все в порядке, – сказал он быстро. – Я знаю, тебе сообщили, но на всякий случай повторяю еще раз. Она осталась цела и невредима благодаря Софии.

Виктория моргнула – глаза ее постепенно заполнялись слезами, – открыла рот, но так ничего и не произнесла, а, громко разрыдавшись, осела на стул.

Тошнота усилилась, но Арен уже не обращал на нее внимания – подошел к жене, наклонившись и обняв, вновь поставил на ноги.

– Вик, не плачь, – произнес он безжизненным голосом. – Все хорошо. Агата жива и здорова. Не надо плакать.

– Я не могу-у-у, – провыла Виктория ему в грудь. – Я все время вспоминаю этот огонь…

– Ловушка была на крови Аарона, – перебил ее император, желая чем-то отвлечь. – Я ощутил, пока бежал к ней по улице. Не смог перенестись к зданию музея.

Она затихла, сжав ладони на его плечах.

– Кровь Аарона? – переспросила Виктория с ужасом. – Но…

– Он мертв, да. Значит, оставил кому-то… запасы. Что лишний раз доказывает – Гектор не всех арестовал. Впрочем, мы в этом и не сомневались. Вик… – Арен отстранился и заглянул жене в глаза. – Я очень прошу. Не отказывайся от помощи психотерапевта. Она тебе сейчас необходима.

По правде говоря, раньше она тоже была необходима, но все восемь лет Виктория категорически отказывалась от подобных предложений, еще и обижалась на него. Арен ожидал, что и сейчас она тоже будет сопротивляться и кричать, но жена просто кивнула.

– Да. Я… мне это очень нужно, да.

Удивляться император сегодня был не способен, поэтому лишь вздохнул с облегчением.

– Я могу навестить Агату? – продолжила Виктория с робостью. – Я хотела, но меня не пустили, попросили остаться в палате до твоих указаний. А во дворец ей уже можно или пока нет?

Навещать дочь жене было категорически нельзя – про то, что контур Софии так и не исчез, император рассказывать не собирался. Виктория наверняка начнет возмущаться и говорить, что Агату нужно немедленно заставить отпустить контур, не подумав о том, каково придется после этого их девочке. Арен опасался – если он услышит подобное, может сорваться и сжечь что-нибудь.

– Нельзя. Ни во дворец, ни навестить. Прости, Вик. Зато во дворец можно тебе. Я сейчас распоряжусь, чтобы тебя туда перенесли. С Алексом осталась Анна, присоединяйся к ней. Одна не сиди ни в коем случае. Поняла?

– Да, – вздохнула Виктория. – Но, Арен… с Агатой действительно все в порядке?

– Действительно.

– Почему ее тогда нельзя навестить?

Правдоподобный ответ никак не придумывался, поэтому император просто сказал:

– Нельзя, Вик. Я все объясню позже. Главное ты знаешь – Агата жива и здорова, с ней ничего не случится.

Глаза Виктории вновь начали стремительно наполняться слезами. Она опустила голову и пробормотала:

– Да, Арен.

Надо бы спросить, в чем опять дело, но императору хотелось поскорее уйти.

– Я поговорю с врачами о твоем дальнейшем лечении, а потом тебя перенесут во дворец. До вечера. И пожалуйста, пообедай.

– Ты тоже, – произнесла она негромко, так и не подняв головы, и Арен, поцеловав жене руку, покинул палату.

Глава вторая

На улице по-прежнему дул ледяной ветер, но теперь еще добавился и дождь. Мелкий, противный, колкий, словно крошечные иглы, впивающиеся в кожу.

Покинув госпиталь, Вано Вагариус вздохнул и поморщился, раскрыв над собой выданный в регистратуре зонт. Заведующий терапевтическим отделением отпустил его не более чем на два часа, выписав пропуск только благодаря просьбе императора, и, хмурясь, посетовал, что на тот свет пациенты торопятся больше, чем в столовую. Вагариус пообещал, что быстро вернется, на что врач только рукой махнул.

Синтия Тали… да, не так он представлял себе их первую встречу, совсем не так. Вано надеялся, что со временем мама Софии привыкнет к его присутствию в жизни девочки, наслушается рассказов о нем и однажды разрешит зайти в гости. А получилось вот что.

Вагариус не знал, стоит ли надеяться на возвращение внучки или лучше перестать мучить собственное сердце. Эн Арманиус… Он много слышал о ней и от Арчибальда, и от нескольких коллег, которым она восстановила энергетический контур. Знал, что она очень талантливая, понимал, что Эн будет стараться сделать все возможное, но… но одно дело – восстановить то, что есть, пусть и сломано, и совсем другое – вернуть исчезнувшее. Она ведь не богиня.

Вано разговаривал сам с собой, уговаривая перестать надеяться, но не получалось.

Эн ведь не сказала сразу, что дело безнадежное, не отказалась. Она же сообразительная девочка, стала бы заниматься тем, что не имеет смысла? Нет, конечно. Но почему тогда? Неужели она видит какую-то возможность?..

Жалея, что сам не поговорил с Эн, Вагариус заказал магмобиль и через пять минут уже выходил возле цветочной лавки Синтии Тали. Здесь было два входа – первый в лавку, а второй – в жилые комнаты, и Вано, помешкав, все же зашел в первую дверь.

В нос сразу ударил запах цветов, и безопасника затошнило. Он ненавидел этот запах с тех тройных импровизированных похорон – пусть хоронить было нечего, от отца, матери и тети Ализы остался один пепел – традицию необходимо было соблюсти, и похороны организовал комитет безопасности, место работы обоих его родителей. Цветов тогда многочисленные знакомые и коллеги принесли море, и запах в храме, где проходил обряд прощания с усопшими, стоял удушающий.

Вано огляделся, пытаясь найти среди ваз с цветами Синтию, но ее здесь не было – за прилавком стояла какая-то молодая светловолосая девушка.

– Здравствуйте, – сказала она любезно. – Чем я могу вам помочь?

– Я ищу айлу Тали, – ответил Вагариус. – Мне необходимо

с ней поговорить.

– А, – кивнула девушка. – У вас, наверное, заказ на определенную дату? Да, айла Тали ведет запись сама. Она сейчас наверху, но я ее позову.

Цветочница чуть наклонилась и нажала что-то под прилавком. Сразу после этого на втором этаже послышался негромкий перезвон колокольчика.

Сердце вновь неприятно кольнуло. Вот, сейчас, еще минута, и бедная мама Софии все узнает. Как ему вообще говорить ей об этом? Какими словами?

Хлопнула дверь, послышались быстрые шаги. Вано оглянулся – Синтия вышла из двери в другом конце лавки, на ходу поправляя чуть растрепавшиеся волосы, увидела его и застыла, резко побледнев.

Женщина была очень красивой, неудивительно, что Атор положил на нее глаз. Даже сейчас, уже не такая молодая, она сохранила и прекрасную фигуру, и ровную, чуть смуглую кожу почти без морщин, и густые блестящие темные волосы, и большие карие глаза, в которых Вано увидел страх.

– Здравствуйте, – сказал он спокойно, наклонив голову. – Мне нужно поговорить с вами, айла Тали. Но желательно не здесь.

Синтия бледнела все сильнее, и Вано уже начал опасаться, что она упадет в обморок.

– Где София? – выдохнула она, задрожав всем телом. – Где моя девочка?..

– Давайте не здесь, – попросил Вагариус, краем глаза заметив, как с любопытством косится на них помощница Синтии. – Я знаю, у вас на первом этаже есть кухня, София говорила. Лучше там.

Это было нагло, но Вано не видел другого выхода. Не в кафе же им идти, в самом деле?

Синтия явно колебалась, не желая с ним разговаривать, но стремление узнать, что с дочерью, оказалось сильнее.

– Идемте, – произнесла она в конце концов шепотом. – Мэг, звони, если что.

– Да, айла Тали.

Мама Софии развернулась и пошла в другой конец лавки. Открыла небольшую дверь, которую Вано еле рассмотрел за вазами с цветами, и зашла внутрь. Он последовал за ней и сразу оказался на кухне.

Здесь пахло уже по-другому, и от этого запаха у Вагариуса защипало глаза.

Это был запах дома. Настоящего дома, которого у него уже давно не было. Теплый – аромат хлеба, сладкий – варенья и булочек и терпко-горький – запах Софии. Вано легко мог представить, как она сидит здесь, за этим столом овальной формы, накрытым бежевой скатертью, улыбается и смеется.

– Говорите, – сказала Синтия резко, обходя стол, словно хотела использовать его в качестве защиты. – Где моя дочь? Что вы с ней сделали?

Вагариус вздохнул. Демоны, как же сложно говорить… Держать щит над портальной ловушкой и то было легче.

– София – аньян детей императора, – еле выдавил он из себя то, что было проще всего.

– Защитница, – охнула Синтия, опускаясь на ближайшую табуретку и глядя на него широко раскрытыми изумленными глазами. – Как же это… Она не говорила…

– Она не могла сказать. Его величество ставит печать молчания на всех служащих дворца.

– Ох…

– Сегодня утром ее высочество Агата и София отправились на выставку в Императорский музей. На магмобиле. По пути они попали в портальную ловушку. – Вано запнулся – сердце в груди билось, как шальное, и говорить было невыносимо трудно. – Агата выжила благодаря Софии. Ваша дочь превратилась в абсолютный энергетический щит.

Синтия смотрела на него с ужасом, но Вано видел, что она не понимает. Она ведь не была магом.

– Абсолютный энергетический щит – очень редкое явление. В момент опасности, если маг сильно желает кого-то спасти, он может превратиться в такой щит. Бессознательно.

– А-а-а… – Глаза Синтии наполнились слезами. – А обратно?..

– Считается, что это невозможно, – произнес Вано, но продолжить не успел – губы женщины задрожали, а потом она заплакала, закрыв лицо руками.

– Софи-и-и… бедная… моя… девочка-а-а…

Вагариус не выдержал – обошел стол и встал перед Синтией на колени.

– Простите. Я не уберег ее.

Она, явно не слыша, продолжала плакать.

– Еще не все потеряно, – сказал Вано громко, дотронувшись ладонью до локтя Синтии. – Энергетический щит обычно исчезает, когда минует опасность, но в этот раз он не исчез. София не исчезла. Вы слышите меня?

Рыдания стихли.

– Не… исчезла?

– Нет. Этим… вопросом занимаются в Императорском госпитале. Нам с вами сейчас нужно туда. Посмотреть на Софию и поговорить с ее лечащим врачом.

Синтия подняла голову:

– С врачом? Значит, она…

– София не исчезла, – повторил Вано. Сказать «умерла» он был не в состоянии. – Пойдемте. Увидите все сами.

Женщина всхлипнула.

– Девочки… Надо их с кем-то оставить… Сейчас… Свяжусь с подругой, подождите…

Вагариус кивнул и поднялся.

– Я подожду снаружи. Уладите все и выходите. Пока закажу нам магмобиль.

– Да, хорошо, – пробормотала Синтия и, вновь всхлипнув, вытерла мокрые щеки.

Пообщавшись с Валлиусом, Арен договорился о сеансах психотерапии для жены. Поскольку врач должен был приходить во дворец, император решил запросить у Гектора подробное досье, но написать дознавателю не успел – браслет завибрировал, и Арен, поглядев на экран, понял, что связаться с ним пытается как раз Дайд.

– Мне нужно поговорить с вами, ваше величество, – сказала хмурая проекция Гектора. – И лучше прямо сейчас. Я перенесусь. С Валлиусом я уже общался, он распорядился подготовить нам с вами помещение для разговора. Палата четыреста шесть. Это…

– Рядом с Агатой. Хорошо, я иду туда и жду тебя.

Дознаватель появился через пару минут и вид имел не просто недовольный, а очень недовольный.

– У меня две новости, – начал Гектор, как только они с императором разместились за столом в палате, и Арен на всякий случай поставил кровное заклинание глухоты на помещение. – К сожалению, обе так себе. Начну с главной. Слух о произошедшем возле музея распространяется по городу со скоростью света, и, хоть официальных заявлений еще не было, многие уже в курсе дела. И до института артефакторики этот слух дошел в первую очередь.

Арен подобрался:

– Адриан?..

– Он сбежал, – сказал Гектор с такой яростью, словно меч-

тал лично свернуть племяннику императора шею. – Сбежал еще до того, как мы пришли туда, чтобы с ним поговорить. Услышав новости, пошел к залу для переносов, оттуда построил лифт на Дворцовую площадь, а уже с площади перенесся дальше, демоны его знают куда.

– А постовые что? Ворон считали? – процедил император и поморщился, когда Дайд ответил:

– Адриан нацепил иллюзорный амулет. Постовые засекли только высокого темноволосого мужчину под сильным амулетом, передали дежурным в комитет, а те уже мне. Я сразу подумал, что это может быть Адриан, но… поздно.

Что ж, теперь все понятно.

Портальная ловушка, которая строится при помощи артефактов, заблокированная для императора возможность переноса, кровь Аарона, отца Адриана, и этот побег. Очевидно.

И как хорошо спланировал свой уход! Конечно, в институте артефакторики не обратили внимания на принца, ушедшего в зал для переносов, тем более что время было обеденное. Постовые – дежурные дознаватели на Дворцовой площади, контролирующие в том числе переносящихся через пространственные лифты, – заметили мужчину под подозрительно сильной иллюзией, сообщили для проверки, но к тому времени Адриан построил еще один лифт. А отследить координаты переноса на общественной площадке для лифтов – это утопия. Там их слишком много, и одна формула переноса перекрывает другую.

Однако существовал еще кровный поиск, и сейчас Арен, закрыв глаза, прислушался к нему.

– Тварь, – прошипел он через несколько секунд. – Перенесся на север, как можно ближе к Геенне. Это все, что я могу сказать, Гектор. Я ощущаю Адриана очень слабо.

– Я так и знал. Пытался уже его найти обыкновенным поисковым заклинанием – демона с два. Геенна все глушит. Поэтому и хотел с вами поскорее поговорить – думал, может, вы почувствуете.

Император покачал головой, понимая – если бы он сейчас почувствовал Адриана, то, скорее всего, до вечера племянник не дожил бы.

– Еще кое-что, ваше величество. Виго Вамиус.

– Тоже сбежал?

– Да, причем, по-видимому, ночью. Он живет с родителями и сестрой, накануне слежка проводила его до дома, как обычно. Оттуда Вамиус не выходил, браслет связи всю ночь молчал и по координационным показаниям находился на одном месте. Мои ребята заподозрили неладное только к полудню, но подумали – вдруг Виго просто спит так долго? Мало ли, бывает. Подождали еще час, а потом узнали про ловушку и сразу мне отчитались. Я наведался к Виго. Родственники его сами не знают, где он, не могут отыскать. Браслет, на который Вамиус накинул заклинание глухоты, мы обнаружили в его комнате. В прихожей – след пространственных координат, который ведет на городскую площадь Ритайлы. Ритайль-

ские постовые зафиксировали в час ночи перенос неизвестного мужчины под слабым иллюзорным амулетом. Он спокойно сошел с площадки и отправился в город. Дальнейший его путь неизвестен, но, скорее всего, в Ритайле Вамиуса уже нет. Либо в этом городе живет один из членов заговора, либо бывший начальник охраны дворца нашел где-то возможность перенестись обратно в Граагу – в любом случае он наверняка сейчас в столице.

– Значит, Виго и Адриан… – протянул император задумчиво. – Что ж, мозаика сложилась.

– Не совсем, ваше величество.

– Что? – Арен поднял брови.

Гектор глядел на него хмурясь и поджимая и так тонкие губы.

– Это мелочь, я понимаю, и совсем не доказательство. Но все же. Виго Вамиус сбежал ночью, когда о портальной ловушке еще никто не знал. Значит, он сам знал все точно и понимал, что рискует быть не то что арестованным – испепеленным. Но Адриан сбежал сегодня, только после того как услышал новости от коллег. Почему? Ваш племянник такой трус, что должен был унести ноги одновременно с Вамиусом, если не раньше.

– Возможно, он опасался, что я догадаюсь и никуда не отпущу Агату.

– Да, такой вариант есть, – кивнул Гектор. – Но вы все же не шаман-прорицатель, ваше величество. Учитывая харак-

тер Адриана, вы скорее подумали бы, что он где-то загулял, чем предположили покушение на свою дочь.

– Это точно, – пробормотал Арен. – Думаешь, он не знал? Тогда зачем убежал?

– Наверное, полагал, что вы не станете разбираться и просто испепелите всех, кто мог иметь отношение к портальной ловушке. И его – в первую очередь.

– Это глупо, Гектор.

– Глупо, ваше величество. Но эта глупость вполне могла прийти в голову вашему племяннику.

– Согласен. У тебя все?

– Из срочного – все, – подтвердил Дайд. – Остальное я доложу ближе к вечеру. Пока собираем информацию.

По дороге в госпиталь Вагариус рассказывал Синтии о том, что такое портальная ловушка. Оказалось, что она впервые слышит об этом явлении, и Вано поблагодарил Защитника за то, что это именно так – все же мама Софии пока не понимала истинного масштаба трагедии и ей было проще надеяться на положительный исход, чем ему.

– Портальная ловушка – это что-то вроде магической клетки. Попавшие туда не могут перенестись пространственным лифтом, да и не успевают чаще всего – стены клетки вспыхивают огнем, и пламя стремится внутрь, сжигая все на своем пути.

– Значит, эту ловушку создают маги? – спросила женщина

испуганно. – Четыре мага?

– Нет. – Вано покачал головой. – Четыре артефакта, установленных в четырех углах клетки. Артефакты, конечно, делает маг. Чтобы ловушка сработала, нужен еще портальный ключ. Пока этот ключ не попадает в определенную пространственную… э-э-э… в общем, пока он не попадает в определенную точку на местности, и он, и эти артефакты как бы спят. А как только попадает – ловушка активируется.

Синтия задумалась, морща лоб и кусая губы. Вано не представлял, о чем она думает, – наверное, все это для нее, обычного человека, звучало очень странно.

– Получается, четыре артефакта – в углах клетки, а ключ – внутри. Да?

– Да.

– А как он попадает внутрь?

– Чаще всего портальный ключ подкладывается тому, на кого рассчитана ловушка. В этот раз, я думаю, он был у охранника ее высочества. Подложить что-то, например, в аптечку проще всего. Агата и София на магмобиле доехали до нужной точки, ключ активировался, ловушка сработала.

– Ясно, – пробормотала Синтия, опуская глаза. Она вообще старалась лишний раз не смотреть на Вагариуса, а если все же смотрела, то быстро отводила взгляд, бледнея. – А… Получается, это нельзя обнаружить заранее? Ключ, артефакты…

– Ключ нельзя. Ну, если только знать точно, что вот на

этом предмете есть формула портальной ловушки. А артефакты обнаружить можно, на расстоянии примерно в метр они начинают фонить силой, и это засекают другие артефакты, если проверять местность.

– Не проверяли?

Вано грустно усмехнулся.

– Проверяли. Но мы проверяли улицу, на которой стоит Императорский музей. А артефакты для портальной ловушки были заложены на соседние улицы, из-за чего при активации они снесли четыре жилых дома.

Вот теперь она посмотрела на него.

– Четыре дома?!

– Да.

– Это… – Синтия запнулась. Голос ее внезапно осип. – Сколько же погибших?

– Много. Точной цифры я пока не знаю, но предполагаю, что не меньше двухсот человек.

– Защитница, – прошептала она с ужасом. – Неужели это все только для того, чтобы убить наследницу?

– Это для того, чтобы убить императора. Не физически, так морально. – Магмобиль остановился, и Вано посмотрел в окно. – Выходим, приехали.

Возле двери в палату, где находилась Агата, стояли четыре охранника, и Синтия, пока шла по коридору, все сильнее сжималась и втягивала голову в плечи. Ей явно было не по

себе.

– Мы хотели бы поговорить с лечащим врачом, – обратился Вано к старшему из охранников. – Передайте, пожалуйста, айле Арманиус, что пришли родственники аньян ее высочества.

Мужчина на пару мгновений заглянул в палату, а затем кивнул Вагариусу.

– Проходите.

Вано не ожидал, что Эн пустит их настолько быстро, поэтому слегка напрягся. Как отреагирует Синтия, когда увидит, что стало с Софией? Он так и не понял, осознала ли она, что произошло с ее дочерью.

Эн стояла возле койки, держась одной рукой за спинку, когда Вано и Синтия зашли в палату. На столе позади нее безопасник заметил какие-то книги, тетради, листы бумаги, на одном из которых был зарисован кокон энергетического щита.

– Здравствуйте, – сказала девушка. Вагариус тоже негромко поздоровался, косясь на Синтию – не упадет ли в обморок?

Она не падала. Бледная как смерть смотрела на сияющий контур вокруг тела Агаты и дрожала.

– Софи… – прошептала, делая шаг вперед, словно намеревалась подойти, но была остановлена мягким, решительным голосом Эн.

– Не трогайте, пожалуйста. Обожжетесь.

Только после этого Синтия обратила внимание на врача.

– Это… это и есть щит, да? То, во что превратилась моя девочка?

– Да, – ответила Эн, кивая на стулья возле стола. – Садитесь, пожалуйста. И вы, айл Вагариус, тоже. Кстати, охранник сказал, что пришли родственники. То есть вы оба?

– Оба, – сказал Вано, усаживая Синтию, но сам садиться не стал, застыв рядом. – Айла Синтия Тали – мама Софии, а я ее дедушка.

– Очень хорошо. – Кажется, Эн обрадовалась. – После нашего с вами разговора пойдете в процедурную, сдадите кровь.

– Зачем? – уточнил Вагариус.

– Я собираюсь использовать кровные артефакты. Кровь Софии достать невозможно, так хотя бы ближайших родственников. Отец ее, как я понимаю…

– Он умер. – Вано перевел глаза на Синтию, которая продолжала изучать фигурку Агаты в коконе щита. – Вы думаете, что-то можно сделать?

Эн тоже взглянула на Синтию, чуть слышно вздохнула, а затем громко произнесла:

– Айла Тали, посмотрите на меня.

Мама Софии, вздрогнув, подняла голову.

– Я хочу, чтобы в первую очередь вы услышали то, что я сейчас скажу, – продолжила Эн тише и гораздо мягче. – Услышали и поняли. Я постараюсь говорить проще – вижу,

что вы не маг. Если что-то все равно будет неясно, спрашивайте меня, хорошо?

Синтия неуверенно кивнула. На Эн она смотрела так, будто девушка была самой Защитницей.

– Вы спросили, можно ли что-то сделать. Что-то сделать всегда можно. Не бывает такого, чтобы совсем ничего нельзя было предпринять. Но хорошего результата это не гарантирует главным образом потому, что подобная ситуация уникальна. Впервые в истории абсолютный энергетический щит не иссяк сразу после использования. Соответственно мне в своих врачебных изысканиях почти не на что опереться.

– Но как же тогда… – прошептала Синтия, и Эн пояснила:

– «Почти» – это еще не «совсем». Щит контурный, а знаний об энергетических контурах у меня достаточно.

– Значит, шанс есть? – не выдержал Вано. Он понимал, что слишком торопится, задавая подобный вопрос, но так хотелось услышать «да»!

– Скажите, айл Вагариус… когда вы увидели этот щит, почему сразу решили, что перед вами София? – ответила Эн вопросом на вопрос. Безопасник на секунду замешкался.

– Я… не знаю, – произнес он немного растерянно. – Просто сразу понял.

– Я задавала этот вопрос императору и Дайду, – продолжала девушка. – Оба ответили то же самое. Император толком и внимания не обратил на мой вопрос, Гектор весьма озадачился, но у обоих не было времени рассуждать.

– Я тоже чувствую, что это София, – вмешалась Синтия, и Вано заметил, что она чуть порозовела. Да, этот разговор явно шел ей на пользу. – Не знаю, может, оттого, что… айл Вагариус сказал… Но я чувствую, правда.

– Вы все ее знали, – сказала Эн. – Поэтому определили сразу и безошибочно. В конце концов, если бы София вошла сюда… мм… обладая телом, вы бы тоже сразу поняли, что это она, и ни с кем не перепутали бы. Но вот я… я ее не знала. Наверное, именно поэтому я ощущаю все несколько острее. Здесь, – девушка кивнула на Агату, – не один человек. Не только ее высочество. Я не могу безошибочно определить, как определили вы, что это именно София. Просто чувствую, что здесь есть еще один человек.

Вано и Синтия удивленно молчали. Они понимали, что хочет сказать им Эн, но до конца не осознавали, как это связано с лечением.

– Я никогда не видела энергетический контур отдельно от человеческого тела, как сейчас. Но я видела погасшие контуры и у живых людей, и у мертвых. Мертвый человек не ощущается так, как сейчас ощущается София. Понимаете? Вы чувствуете ее живой. И я чувствую. Только тела нет.

А ведь действительно…

Вагариус вновь взглянул на контур, понимая теперь, почему Эн взялась за дело, казавшееся безнадежным. Он тоже видел умерших людей и знал, что от них идет энергетический холод.

София – точнее, ее контур – был теплым, как контур живого человека.

– Этот эффект возникает из-за того, что Софию держит ее высочество? – спросил Вано негромко, боясь услышать ответ.

– Нет, айл Вагариус. Агата только не дает ему погаснуть, да и держит она его, потому что тоже ощущает Софию. Думаю, ощущает еще более живой, чем мы.

Эн посмотрела на койку, где лежала принцесса, и улыбнулась.

– Она сейчас сказала: «Да!»

– Ее высочество… говорит с вами? – выдохнула Синтия. – Мысленно?

– Говорит. Она мне вообще уже много всего рассказала, – Эн улыбнулась шире. – У меня были вопросы к Агате по поводу ощущений от удерживания контура. И она подтвердила мои догадки, сказав, что чувствует Софию очень живой и теплой – как будто ваша дочь ее обнимает. Только тела нет, – повторила Эн. – Но я постараюсь что-нибудь придумать, обещаю. А сейчас, пожалуйста, идите в процедурную, сдайте кровь, она точно пригодится.

– А потом… можно прийти сюда? – спросила Синтия робко. – Я бы хотела немного побыть здесь. Если вы не возражаете.

– Не возражаю. Только вам, айл Вагариус, лучше вернуться в палату. Насколько я помню, вас сегодня доставили с сер-

дечным приступом и магическим перенапряжением.

Поймав удивленный взгляд Синтии, Вано чуть улыбнулся и успокаивающе погладил женщину по плечу. К его радости, она не отшатнулась, даже не вздрогнула.

– Верно, Эн. Я сдам кровь и вновь лягу, не переживайте.

– Отлично. А вы, айла Тали, после процедурной сходите в столовую. Обед уже закончился, но вас накормят. Скажете только, что так велел зам главврача.

– Зам главврача? А это кто?

– Это я, – ответила Эн, усмехнувшись.

Звукоизоляция в госпитале была отличная – чтобы не мешать больным отсыпаться, пока по коридору круглосуточно кто-то бегает и гремит, – и тишина в палате за закрытой дверью казалась Виктории просто оглушительной. А еще – вязкой, неприятной, словно болото, в котором можно задохнуться и утонуть.

Находиться здесь в одиночестве казалось мучительным. Но Виктория почему-то не ощущала привычного раздражения. Ей было тоскливо, хотелось плакать и даже выть, как раненой волчице, но злости она не чувствовала. Да и на кого злиться? На Арена, что запер ее здесь? Ну так для ее же блага, да и ненадолго, скоро обратно во дворец. На лечащего врача, который задавал вопросы вежливым до тошноты голосом и фиксировал ответы в блокноте? Он просто выполнял свою работу.

А может, злиться стоило на себя?

Виктория всхлипнула и прижала ладони к щекам. Да, только на себя и стоило бы злиться. Это ведь она сказала за столом про поездку на выставку, она! Дура, где были ее мозги?! Если бы не София…

София.

Подумав об аньян, Виктория все же расплакалась, толком не понимая почему. Ревновала ведь ужасно, еще накануне страшно злилась и утром тоже. Но сейчас ревность даже головы не поднимала – то ли умерла в ней, то ли переродилась во что-то другое.

Софию было жаль. Виктория не знала, обоснованна ее ревность или нет – теперь ей казалось, что скорее нет, чем да, но это все равно. Все равно! В любом случае – смерти София не заслужила, и еще она действительно любила Агату с Александром. Даже абсолютным щитом смогла стать… А ведь для этого нужно по-настоящему искреннее чувство.

И как теперь будет Агата?.. Бедная ее девочка! Она ведь будет жить, понимая, что София умерла за нее. Конечно, Агата не виновата, но разве от этого легче?

Виктория вздыхала, вытирая слезы рукавом платья, что совсем не подобало делать императрице, но она себя ею сейчас и не чувствовала. Она чувствовала себя до ужаса несчастной и почему-то – очень-очень виноватой перед всеми. И не только потому, что сказала про выставку за обедом, а просто из-за самого факта своего существования на этом

свете.

Лучше бы она ехала в том магмобиле с Агатой и стала энергетическим щитом, а София осталась жива.

Виктория всхлипнула и потянулась за стаканом с водой.

Энергетическим щитом? Нет, она никогда не смогла бы им стать. Не настолько у нее чистая душа.

Глава третья

Проводив Викторию во дворец и убедившись, что все в порядке и с Анной, и с Александром, император решил еще раз зайти к Эн.

День начинал клониться к закату, и, когда Арен вошел в палату, помещение было залито ярко-оранжевым солнечным светом. Удивительно для такого пасмурного дня, каким выдался сегодняшний. Но к вечеру распогодилось, небо поголубело, тучи разошлись, остался лишь ветер – холодный, резкий и неприятный. Правда, император об этом ветре не имел ни малейшего понятия – с того момента, как они с Эн перенеслись в госпиталь, он не выходил на улицу.

На стуле возле Агаты сидела женщина, и, как только Арен открыл дверь и шагнул внутрь, она вскочила, испуганно глядя на него, и неловко поклонилась.

– Ваше величество…

– Садитесь, айла Тали, – сказал император. Женщина медленно опустилась на стул, нервно сглатывая и не отрывая от него напряженного, полного опаски взгляда.

Арен подошел ближе, наклонился и поцеловал дрогнувшую руку.

– Спасибо вам, – произнес он тихо, не спеша выпрямиться. – За Софи. Независимо от того, что случится дальше, я обещаю – вы никогда не будете нуждаться.

Несколько мгновений император смотрел в смятенные глаза айлы Тали, не выпуская из своей ладони ее руку. Женщина молчала, быстро-быстро моргала, словно боялась расплакаться, и Арен, чтобы не смущать ее еще больше, все же выпрямился и повернулся к Эн.

– Тебе есть что сказать мне? – обратился он к девушке, которая что-то стремительно записывала на листке бумаги, не поднимая головы.

– Угу, – кивнула Эн. Оторвалась от своего увлекательного занятия и, вздохнув, произнесла, глядя на маму Софии: – Побудьте здесь несколько минут, пожалуйста, айла Тали. А я пока пообщаюсь с его величеством.

Арен сразу понял, что Эн не хочет разговаривать при Агате, и кивнул.

– В соседней палате можно.

Девушка поднялась, и они проследовали в соседнюю комнату, где Эн, не садясь, сразу быстро заговорила:

– Консилиум назначен завтра на полдень. Мне нужно, чтобы вы пришли раньше, хотя бы к одиннадцати, а лучше к десяти. Я расскажу обо всем, что смогу разработать. Консилиум имеет смысл проводить только в том случае, если вы согласитесь меня поддержать.

– Я согласен, – сказал Арен спокойно, и Эн покачала головой.

– Завтра, ваше величество. Решите завтра, после того как все услышите.

– Хорошо, – согласился император так же спокойно. Он мог бы возразить, что согласен на все, не согласен только рисковать жизнью Агаты, но у него не было сил на пустые препирательства.

– Вас самого врачи-то смотрели? – поинтересовалась Эн, мгновение помешкав. – Или?..

– Нет.

– Вы же не бессмертный, – сказала она укоризненно. – У Вагариуса был сердечный приступ, не хватает только, чтобы и у вас он случился. Это ведь десять минут, ваше величество.

– У меня нет десяти минут. Ты что-то еще хотела сказать или это все, Эн?

Кажется, она рассердилась.

– Так нельзя, понимаете? Если вы свалитесь, уже никого не спасете, ни Софию, ни Агату, ни Альганну. Вы хоть ели?

Арен промолчал. В любой другой день ему было бы смешно, что Эн настолько беспокоится, да и странно тоже. Он до сих пор не мог понять, почему ее прежняя ненависть к нему так и не вернулась.

– Ясно. И не ели. Да вы так сами себя угробите, без помощи заговорщиков, – продолжала возмущаться Эн. – Вот они рады-то будут!

– Этого и добиваются.

– Что? – Она нахмурилась.

– Убить императора очень сложно. – Демоны, как же труд-

но говорить, в груди будто камень вместо сердца. – Есть способы, конечно, но они сопряжены с огромным риском, а главное – с человеческими жертвами. Жертвами среди заговорщиков. Куда проще, если император угробит, как ты выразилась, себя сам. Сойдет с ума, например. Или просто будет настолько деморализован, что не сможет удерживать Венец. На это нужны силы, Эн, и не только магические.

– Тем более! – Она даже покраснела от негодования. – Так, все. Сейчас пойдем в смотровую, и я вас сама обследую. Это пять минут! А потом в столовую. И сама поем, и вы тоже поедите.

– В смотровую – согласен, – уронил Арен тяжело. – В столовую – нет. Я потом поужинаю. Не переживай.

Эн пыхтела и словно пыталась просверлить его разгневанным взглядом. Но в конце концов сдалась и проворчала, делая шаг к двери:

– Она была бы недовольна вашим поведением.

– Кто?

– София.

Арен на секунду закрыл глаза, пережидая удушье и приступ боли в груди.

– Верни ее мне, – попросил он тихо и хрипло, останавливая Эн коротким прикосновением к плечу. – Пожалуйста. Верни.

– Я постараюсь, – ответила она так же тихо, замерев возле двери. – Обещаю.

Арен еще раз осторожно погладил девушку по плечу, а затем они вышли из палаты.

Слава Защитнице, с императором все оказалось в порядке, и Эн, быстро перекусив в столовой, вновь отправилась к принцессе. Прежде чем идти домой, нужно было сделать кое-что еще.

– Ну и где ты гуляешь? – пробурчал Рон Янг, увидев девушку. Эн еще днем попросила его прийти в госпиталь сразу после работы. – Я тебя уже заждался. В палату эти изверги меня не пускают. – Он покосился на невозмутимых охранников. – Говорят, либо император должен указание дать, либо ты. Практически приравняли тебя к его величеству.

Эн фыркнула.

– Ужинала я. Пошли, Рон. Ребята, он со мной.

– Ужинала она… А я вот не ужинал, – пожаловался друг, но тут же запнулся и замер, увидев сияние абсолютного контурного щита. На сидящую рядом с койкой Синтию он даже внимания не обратил. – Защитник…

– Спасибо вам, айла Тали, – сказала Эн, вежливо улыбнувшись женщине. – Вы можете идти. Вам, наверное, уже нужно возвращаться?

– Да. – Женщина кивнула, засуетившись. – Я пойду, надо забрать дочек у подруги… А завтра можно будет прийти к Софии?

– Конечно. Но не раньше полудня.

Эн проводила глазами Синтию и, дождавшись, пока дверь в палату закроется, обратилась к Рону, который все это время, застыв каменным изваянием, стоял посреди комнаты и смотрел на принцессу в коконе энергетического щита.

– Ро-о-он… Отомри.

Он громко выдохнул.

– Эн… это невероятно…

– Согласна. Но я тебя сюда позвала не для того, чтобы щит рассматривать. Мне…

– Демоны! – Рон взъерошил волосы и улыбнулся шальной улыбкой. – И ведь я даже обсудить с тобой ничего сейчас не могу из-за этой печати молчания! Хоть во дворец переносись.

Теперь пришла очередь Эн замирать и удивленно таращить глаза.

Потом девушка нахмурилась и вновь посмотрела на Агату в коконе. Затем на Рона. И опять на Агату.

Постепенно выражение ее лица менялось, становилось понимающим.

– А-а-а… Нет, но как… Это ведь бессознательный характер применения…

– Значит, придумали что-то, чтобы был сознательный! Поэтому не свет, а огонь.

– Похоже… Но, Рон… – Эн помотала головой. – Давай потом это обсудим, хорошо? Сейчас я про другое. Ты мо-

жешь к утру понедельника сделать мне пять связных игл?[1] Кровных. Органических.

– Пять?! Зачем столько? Обычно же нужна одна игла.

– Если тело все-таки появится от моих, – Эн вздохнула, – манипуляций, то, думаю, что отдельно от контура. Его нужно будет пришить, и я хочу использовать принцип связного-артефакта. И оставить иглы в теле, как ты когда-то сделал с Бертом.

– В этом есть смысл, – протянул Рон. – Пять – по числу конечностей плюс голова?

– Да.

– Ладно, сделаю.

– Спасибо. Нужно на крови трех человек. Двое уже сдали, сейчас отдам пробирки, а у третьего я завтра сама кровь возьму.

– Император? – уточнил Рон понимающе, и Эн кивнула.

Арен поддался на уговоры Эн по одной простой причине.

Он прекрасно помнил, как отец после смерти матери сообщил, что начал ощущать тяжелой собственную голову. «Венец давит, – так он тогда объяснил. – Чтобы его удерживать, нужна не только магия. Горе делает волю слабее, разрушает тебя изнутри, а что разрушено изнутри, то гнилое.

---

[1] **Связные иглы** – артефакты для установления связи между двумя объектами. Кровные – на крови. Органические – способные к растворению в тканях человеческого организма.

На гнилом ничего не держится».

С середины дня Арен стал ощущать нечто похожее, какую-то тяжесть на лбу и в висках. Словно он носил головной убор, который был меньше нужного на несколько размеров и поэтому давил со всех сторон.

Эн сказала, что все нормально. Значит, проблема только в моральном состоянии, но Арен не представлял, как это исправить. Он просто старался не думать слишком много, не отчаиваться и заниматься делом. Дела отвлекали его от мыслей. Так было всегда.

Вот и сейчас – Гектор написал, что готов доложить о расследовании, и Арен отправил ему в ответ зеленый сигнал, попросив сразу перенестись во дворец. Пообщается с Дайдом и пойдет к Виктории с Алексом.

С момента их последнего разговора главный дознаватель, увы, не повеселел.

– Начну с мелочи, – сказал он сразу, как только они сели на диван в кабинете Арена, и Гектор положил перед императором небольшую папку. – Вы просили собрать досье на лечащего психотерапевта Виктории, мои ребята порылись, я тоже посмотрел. Чисто, я бы сказал, девственно. Валлиус ручался. Да и не аристократ он.

– Еще немного – и я действительно начну избегать титулованных, – пробормотал Арен, взяв папку. – Спасибо, Гектор, я посмотрю.

Дознаватель кивнул и продолжил:

– Теперь о покушении. Около полудня Агата, София, охранники и водитель садятся в магмобиль и едут к Императорскому музею, куда можно попасть только одним путем, объезд исключен. Через десять минут они попадают в портальную ловушку. Вопрос первый – откуда к заговорщикам пришла информация о посещении наследницей музея? Руководство было не в курсе, их не оповещали, это ведь не входит в рамки официального мероприятия. Знали немногие, и информация могла прийти, на мой взгляд, с двух фронтов. Ваша жена упомянула эту поездку во время обеда – первый фронт, а второй – охрана. Как бы Вагариус ни старался обезопасить и засекретить предстоящее мероприятие, в сопровождении было слишком много охранников, и незамеченными их приготовления оказаться не могли. Тем более что дежурного охранника срочно заменили Дэйвом – это вообще прямое указание на то, что планируется какая-то поездка. Подробности до наших заговорщиков могли не дойти, но этого и не требовалось. Время для срабатывания портальной ловушки значения не имеет – только место.

– Значит, ты считаешь, что и здесь замешаны мои родственники? – спросил Арен прямо. – Не учитывая того факта, что Адриан сбежал.

– Я считаю, что это однозначно. Просто потому что больше неоткуда было взять информацию об Императорском музее – только со слов ее величества. Никто из охранников, даже Дэйв, не знал, куда именно поедет наследница. Води-

телям Вагариус сообщил только утром, перед выездом. Да, улицу патрулировали, но ведь туда должна была поехать императрица. По этой же причине охраняли сам музей.

– Не нужно было пускать Агату… – пробормотал Арен.

– Не вините себя. Покушение действительно невозможно было предусмотреть. Закладывать артефакты на соседние улицы, понимая, что вместе с наследницей погибнут и другие люди… Это преступление не только против вас – против всей страны. В числе погибших есть и аристократы, немного, но есть. И если раньше идеи заговорщиков находили поддержку среди титулованных, то после сегодняшних событий симпатий стало на порядок меньше.

– Они думали, что в этот раз достигнут цели, поэтому и решили сыграть по-крупному, поставить на кон все, что есть. Демоны, я уже как Аарон стал говорить.

– Да, ваш брат был игроком, но игроки проигрывают, ваше величество. Он проиграл. И эти… последователи… тоже. Получилось так, что они сыграли против самих себя. И цели не достигли, и людей, в том числе аристократов, повернули в вашу сторону.

– Как бы теперь стычки не начались. – Арен покачал головой. – Ситуация и так патовая, а они еще добавили. Сколько погибших?

– Двести шесть.

– Защитник…

– Не считая Софию, ваше величество.

Сердце кольнуло, и император поморщился.

– Ясно. Что ж, давай дальше.

– Кто-то, кто присутствовал на том обеде, – продолжил Дайд, – дал заговорщикам информацию. Артефакты могли изготовить и не во дворце, а вот портальный ключ требовалось подсунуть кому-то, кто ехал сегодня с Агатой. Это явно была задача Виго, раз он так оперативно сбежал. Проще всего что-то подложить своим же коллегам-охранникам. Раздевалка у них общая, аптечки и форму они оставляют там же, причем ящики не закрывают – а зачем, если нечего красть? За это их еще и ваш новый начальник охраны взгреет. Амулеты-то закрыты, но и остальное нужно обезопасить. Аптечки и амулеты проверяются перед каждой сменой, чтобы все было в наличии и исправно. Достаточно было просто заменить что-то из содержимого аптечки – любой пузырек с лекарством или блистер с таблетками, да хоть шприц, не важно. Формулу портальной ловушки можно записать на любом предмете.

– Понятно. – Арен потер ноющие виски. – Роль Виго здесь ясна. Думаешь, в прошлый раз, когда Агату пытались отравить, это он заходил в комнату Софии, а оттуда в детскую?

– Полагаю, что да, ваше величество.

– Я никогда не ощущал от него ни ненависти, ни презрения, – сказал Арен задумчиво. – Но ладно – ненависть… хоть какой-то негатив должен быть. Если только Аарон научил его справляться с этим.

– Простите, ваше величество… – Гектор чуть наклонил голову. – Но, на мой взгляд, вы, как и все эмпаты, чересчур полагаетесь на свою эмпатию. Можно быть преданным идее, но не испытывать ненависти и презрения к тем, кто ей не предан. Можно испытывать неприязнь, но тем не менее не предавать и не пытаться убить. Я думаю, Вамиус не чувствовал к вам ничего, ваше величество. Он служил сначала Аарону, затем – тому, кого ваш брат оставил после себя. Вас он не ненавидел. Вы же не ненавидите сорняк, который собираетесь выполоть?

– Он боялся, – вспомнил вдруг Арен. – Иногда и совсем немного. Когда я злился, он боялся.

– Ну, это неудивительно. Когда вы злитесь, и я боюсь.

– Нет, Гектор. Ты никогда не боялся меня. Ты боялся за меня – тогда, на площади. Но мы отвлеклись. Давай дальше.

– Артефакты, заложенные в четырех углах ловушки, сгорели дотла, мы не нашли даже частичек. Но нашли другие артефакты, из-за которых вы не смогли сразу перенестись к Императорскому музею. Это был действительно умный ход – если бы не эти артефакты, возможно, вы успели бы спасти хотя бы Агату с Софией и Дэйвом.

Впервые за последние несколько часов Арену захотелось кого-нибудь убить – он вспомнил, как раз за разом строил пространственные лифты к Императорскому музею. Для обычных людей перенос в черте города был разрешен лишь на специальные площадки, но император мог перенестись

куда угодно. Подобная возможность закладывалась в артефакты, которыми блокировался перенос в черте города – носитель Венца прописывался как исключение из общего правила.

– Как им это удалось?

– Обыкновенные артефакты пространственной блокировки, но не для всех, а конкретно для носителя Венца. Усилены кровью вашего брата. Если бы не это, они бы так долго не выдержали. Пару минут все же продержались. И перенеслись вы не потому что нашли незаблокированную точку, а потому что артефакты не выдержали, сломались. Кровь Аарона, конечно, это кровь Альго, но вы сильнее.

– Двух минут там было достаточно. Я все равно опоздал.

– Двух минут должно было хватить Дэйву для построения нейтрализатора. И на нем, и на Софии, и на Агате были щитовые амулеты Вано. Объединившись, они дали охраннику дополнительное время. Но… амулет-нейтрализатор с вашей кровью оказался неисправен.

Арен посмотрел на Гектора с удивлением.

– Откуда ты это знаешь? Дэйв погиб, Агату ты не опрашивал. Откуда?

Дайд вздохнул и заговорил с неожиданной злостью:

– Потому что они все неисправны, ваше величество. Все до единого! Пусть ваш брат вечно горит в огне Геенны, а Виго пусть пожрут все ее демоны! – Дознаватель вздохнул еще раз, ноздри его расширились, а затем он сказал уже тихо и

почти спокойно: – Прошу меня извинить.

– Ничего, – ответил Арен ровно. – Продолжай.

– Амулеты-нейтрализаторы с каплей вашей крови выдаются охранникам при необходимости, после окончания смены сдаются и хранятся в сейфе в кабинете начальника охраны. Эти амулеты выдают либо сам начальник, либо его заместители. Чтобы было понятно, в рабочем состоянии амулет или нет, в них встроен красный кристалл – он светится, если внутри амулета живая кровь императора, которую можно использовать для нейтрализации чего угодно, в том числе портальной ловушки. Всего таких амулетов десять штук, считая тот, что был у Дэйва. И все светятся. Тем не менее – они неисправны.

– Каким образом это достигается?

– Очень хитрым, что доказывает нам – среди заговорщиков есть искусный артефактор. Мои ребята сейчас опрашивают арестованных, возможно, кто-то что-то знает, ведь амулеты были заменены на бракованные еще при Аароне. Сейчас сделать это никто не успел бы. А ваш брат мог заменять их постепенно, по одному, без всякой определенной цели – просто надеясь на то, что когда-нибудь они пригодятся и очень вовремя не сработают. Что же касается способа… В вашу кровь была добавлена частичка крови Аарона. Очень маленькая частичка. Для того чтобы амулет перестал светиться, этого оказалось недостаточно, а вот чтобы он не сработал – да. При нейтрализации нужна чистая кровь, а не

разбавленная.

– Вот же гнида, – покачал головой Арен. – Рильо накануне говорил, что все, выданное при Аароне, следует заменить. Он даже начал это делать, но до нейтрализаторов не добрался.

– Такие амулеты за три дня не делаются, ваше величество, и даже если бы добрался – их не успели бы подготовить к выставке.

– Получается, последователи моего брата знали о том, что он заменил амулеты, и воспользовались этим знанием. Действительно хитро… Но я не думаю, что среди арестованных есть артефактор, который делал бракованные нейтрализаторы. Полагаю, он принадлежит к новой волне заговорщиков.

– Да, скорее всего. Иначе информация уже всплыла бы. После смерти Аарона большинство его соратников предпочли как можно быстрее рассказать все, что им известно, опасаясь за свои жизни. Кроме того… вы же помните мою версию об участии в заговоре Арвена Асириуса? Он прекрасный артефактор, один из лучших.

– Помню. Но наличие в деле большого количества уникальных артефактов – не доказательство, Гектор. С тем же успехом их мог сделать мой племянник. Просто из вредности и желания насолить.

– Кстати, насчет Адриана… Я никого за ним не отправлял. Отправить?

– Нет. Если он окажется чуть дальше от Геенны, я почув-

ствую, тогда и решим. А сейчас это все равно что искать иголку в стоге сена. Дознаватели нужнее здесь.

Дайд согласно кивнул.

– Да, ваше величество. У меня пока все.

– Завтра Эн расскажет мне, что планирует делать дальше, затем соберется врачебный консилиум. Не знаю, сколько это займет времени. Но после зайдешь, доложишь, как идут дела. В первую очередь – с поиском Виго.

– Да, ваше величество, – повторил Гектор со спокойной обреченностью человека, который знает, что спать ему сегодня не придется.

После того как Арен перенес Викторию обратно во дворец, она весь день провела с Александром, Анной и ее дочерью Адель. Наверное, если бы не они, императрица так и не смогла бы отделаться от навязчивых печальных мыслей о случившемся, но дети не давали на них сосредоточиться. Алекс, конечно, спрашивал про Агату с Софией, и Виктория, не представляя, как лучше ответить, сказала, что его сестра и аньян пока задерживаются на выставке. Может, завтра утром Агата вернется во дворец и врать Алексу не понадобится вовсе?

А еще Виктории почему-то весь день казалось, что Анна смотрит на нее с осуждением, но спрашивать, в чем дело, она так и не решилась. Вдруг действительно кажется? Или сестра Арена тоже думает о том, что это именно Виктория

сказала про выставку за обедом?..

Ненадолго, ближе к вечеру, забежал Арчибальд. Поиграл с Александром и, сообщив, что скоро перенесется на север, где ночью должна проснуться Геенна, ушел.

– Пастилы пливезешь? – поинтересовался Алекс, глядя на дядю с любопытством. Геенна для него пока была не более чем игрой, он еще не понимал, что Арчибальд может и не вернуться. В отличие от Агаты, которая поняла это уже давно.

Агата… Как там ее девочка? Думая о ней, Виктория вздыхала и очень старалась не плакать. Сказал ли Арен правду и с их дочерью на самом деле все хорошо? Или он скрыл что-то, поэтому Агата и не возвращается во дворец?

– Брат скоро придет, – произнесла Анна, бросив взгляд на браслет связи. – Написал мне, что сейчас поговорит с Гектором, а потом перенесется.

Виктории вновь захотелось плакать, и она изо всех сил сжала зубы, чтобы не разреветься. Ей-то Арен ничего не написал…

Злости не было, да и обиды почему-то тоже. Просто боль, ясная и резкая, от понимания того, что она ему совершенно не нужна. Нужна только как мать Агаты и Александра, но не как… любимая женщина. И Арен с ней общается лишь по необходимости и никогда – по желанию. Так было всегда.

«Врешь, – подумала вдруг Виктория. – Сама себе врешь. Забыла, как он приходил к тебе в первые два месяца после

свадьбы? Каждый вечер приходил. Уставший, замученный. Не всегда оставался на ночь, но всегда сажал тебя на колени и что-нибудь спрашивал, и слушал твои ответы. Разве не было такого?»

Было. И Виктория, вспомнив то время, замерла от нежности и желания вернуть его. Она тогда еще стеснялась Арена, и он постепенно приручал ее, стараясь сделать так, чтобы жена привыкла не только к разговорам, но и к прикосновениям. Ведь до свадьбы он Викторию почти не трогал, а тут вдруг… все так резко… Странно и неловко. Она помнила, как поначалу застывала на его коленях, но потом расслаблялась. И совсем скоро начала ждать вечера с нетерпением – ей нравилось и разговаривать с Ареном, и касаться его, и ощущать прикосновения мужа. После первой брачной ночи он не позволял себе ничего, кроме поцелуев, первую неделю, а потом…

Ох, как же сладко было потом! Еще слаще, чем в первый раз. А началось все с рассказа о практике в оранжерее, во время которого Арен вдруг стал расстегивать Виктории платье на груди.

– Продолжай, Вик, – сказал он невозмутимо, когда она запнулась. – Я слушаю.

Продолжать толком не вышло – как тут продолжишь, когда горячие губы целуют шею и грудь, а нежные руки расплетают косу, лаская затылок.

– Ты… хочешь…

– Хочу. Но главное, чтобы хотела ты. Если тебе не понравится, я почувствую.

Ей нравилось. Ох, как же ей нравилось! Особенно нравилось ощущать его в себе, потому что это давало иллюзию того, что Арен принадлежит ей, и только ей. Он – такой замечательный, сильный и красивый – ее муж. Виктории доставляла удовольствие эта мысль.

– Папа! – воскликнул Александр, и императрица отвлеклась от воспоминаний, обернувшись к камину.

Арен вышел из огня, и Виктория закусила губу, наблюдая за тем, как он медленно идет навстречу сыну и малышке Адель, подхватывает их на руки, прижимает к себе и ласково целует обоих в макушки, вздыхая и закрывая глаза.

Муж не улыбался. И вообще выглядел так, словно только что всех похоронил.

– Рассказывайте, как прошел день.

– А я думал, ты с Агатой и Софи плидешь, – пожаловался Алекс, болтая ногами. Адель молчала, с интересом щупая золотые пуговицы на мундире Арена. – А где они и когда плидут?

– Агата и Софи ненадолго уехали, но скоро вернутся, – ответил император ровным голосом, который даже не дрогнул от этой лжи. – И привезут вам с Адель подарок.

– Да-а-а? – Кажется, мальчик никак не мог определиться, радоваться или огорчаться. – А… почему без меня? И без Адель?

– Вы еще маленькие. Быстро устанете.

– Вот так всегда, – вздохнул ребенок. – Как что-то интелесное, так я маленький.

– Наоборот, Алекс. Все самое интересное – маленьким, а тем, кто побольше, остается только скучать. – Арен на секунду оторвался от диалога с детьми и посмотрел на сестру. – Ани, можешь идти. Адель давно пора спать.

– Мы ждали тебя, – сказала Анна мягко и, подойдя ближе, обняла императора. – Очень ждали, Арен.

Виктория заморгала, вновь изо всех сил пытаясь не разрыдаться. Что же она такая дура?.. Почему сама не подошла к мужу, не обняла?.. Даже не подумала!

– Иди, – повторил император, передавая Анне на руки Адель. – Я завтра зайду. Сегодня не смогу.

– Я понимаю, – ответила она с той же мягкостью и, на мгновение коснувшись ладонью щеки брата, все же направилась к выходу из детской.

Как только Анна вышла, Александр широко зевнул, и Арен, внимательно поглядев на ребенка, заключил:

– Тебе тоже пора спать.

– Не-э-э, – заканючил наследник. – Ты только плишел! Давай поиглаем. Постлоим галаж для магмобилей.

– Недолго, Алекс. А потом спать.

– Холошо!

Виктория, пока они играли, сидела рядом и смотрела на Арена. Иногда сын подбегал к ней что-то показывать, но она

толком не слушала – глядела на мужа.

Такой уставший, почти мертвый. Так хотелось сказать или сделать что-то, чтобы ему стало легче. Но что она может? Да ему и не надо от нее ничего.

Через полчаса Александр уснул среди игрушек, и император, подняв сына, негромко сказал, бросив на Викторию короткий взгляд:

– Я помогу ему умыться и уложу. Иди спать, Вик, ты тоже устала.

– Ты… – Спрашивать было неловко и почему-то стыдно. – Ты потом зайдешь ко мне?

– Не сегодня, – ответил Арен спокойно и ушел в ванную с Алексом на руках.

Несколько секунд Виктория стояла посреди детской с таким чувством, будто муж в нее плюнул, и больше всего на свете ей хотелось упасть на пол и зарыдать.

Но постепенно, по капле, это желание проходило.

«Он просто устал. Устал гораздо больше, чем ты».

Остаться? Попытаться поговорить? Только вот о чем?

Виктория сама не знала, почему так хочет что-то сказать Арену. И что именно, она тоже не могла понять.

В конце концов, вытерев рукавом заслезившиеся глаза, Виктория покинула детскую, признав, что даже если она останется, это ни к чему не приведет. Осознавать, что все ее действия будут бесполезными и легче от них Арену не станет, оказалось очень мучительно.

Император помог сыну умыться, но, несмотря на то что десятью минутами ранее Алекс уснул во время игры, он еще долго возился в кровати, капризничал и никак не хотел засыпать без Агаты. Пришлось читать ему книгу, стараясь не отвлекаться на воспоминания о том, как София пела детям колыбельную всего лишь два дня назад. Прекрасным, чистым, чуть дрожащим голосом, пытаясь не смотреть на императора, но все равно иногда поднимая взгляд – чтобы тут же его опустить.

Думать о Софии было мучительно, но не думать Арен не мог. И когда Александр уснул, император тихо вышел за дверь спальни, шагнул в камин и начал строить лифт в ее комнату.

Арен знал, что его маленькой аньян там нет и, возможно, больше никогда не будет. В этом переносе не имелось никакого смысла… практического смысла… Но туда неимоверно тянуло, словно там, в той комнате, осталось что-то важное.

Тишина и темнота – вот что увидел Арен, когда вышел из камина. Свет лился только от пламени, и император не стал зажигать светильники – боялся заметить то, что изменилось здесь со вчерашнего дня. Дознаватели, конечно, тут побывали, не могли не побывать. Не важно, что это ничего не дало – таков порядок.

Арен вздохнул – в легких было тесно и почему-то горячо – и подошел к столу, на котором лежала стопка рисунков

Софии. Она не могла оставить все так, значит, рисунки вытащили коллеги Дайда или он сам.

Император запустил в воздух огненный шар магического светильника, протянул руку и взял верхний рисунок.

Озеро Чол, куда они переносились с Софией… кажется, в среду. Защитник, такое ощущение, что с тех пор прошла целая вечность.

Следующий рисунок – Коралловое море. Нежные и радостные краски, ощущение безмятежности и полета… Сейчас Арену казалось, что той поездки вообще не было.

Император отложил листок бумаги в сторону – и задохнулся, замер, увидев на рисунке самого себя, улыбающегося, счастливого, в плавках и с капельками воды по всему телу. Все было выписано с педантичной точностью, в мельчайших подробностях, и Арен даже дотронулся до капелек воды ладонью – не намокнет ли?

Не намокла.

Он закрыл глаза, пытаясь справиться с собой. Отчаяние захлестывало, накрывало с головой, впору ставить эмпатический щит внутри собственной души – но это, к сожалению, невозможно.

Невозможным было и еще кое-что. Вместо пустоты, поселившейся в нем со дня смерти Агаты Арманиус, в груди теперь будто полыхал костер. Пламя обжигало до боли, до кровавых всполохов в глазах, до дрожи во всем теле, и сердце билось, стучало, бесновалось в грудной клетке, словно меч-

тало порвать ее и вырваться наружу.

И правильно. Зачем ему это сердце, если Софии больше нет?

Арен, глухо застонав, положил на место рисунок и отвернулся. Дурак! Почему не замечал этого раньше? Окунался в ее эмоции, пил их, как ключевую воду, не понимая, что они не только ее – и его тоже! Поэтому и не мог в последние дни отделить Софию от своей души, поэтому и чувствовал ее и себя единым целым. От искры может разгореться пламя, а София была гораздо больше, чем искра.

– Она не была, – прошептал Арен, хватаясь за виски, которые резко сдавило. – Она есть. Она не исчезла!

«Веришь в чудеса? Веришь, что Эн сможет воссоздать тело из энергетического контура? Ты не просто дурак – ты хуже».

Арен задыхался, метался из угла в угол, злясь на себя, брата, заговорщиков – на всех, кто был виновен в том, что его жизнь давно превратилась в ночной кошмар.

Через несколько минут у него появилось ощущение, что он сейчас спалит не то что эту комнату, а весь дворец, и Арен, шагнув в камин, перенесся в Императорский госпиталь, в палату Агаты.

Дочь по-прежнему лежала на больничной койке, только теперь ее заботливо укрыли одеялом, и она выглядела бы просто спящим ребенком, если бы не кокон абсолютного щита. Арен лег рядом с Агатой – кровать здесь была достаточ-

но широкой, и он легко на ней поместился, – обнял дочь и поцеловал ее. И ее, и контур Софии.

«Папа?» – тихий и ласковый шепот.

– Отдыхай, моя радость, – ответил Арен хрипло и погладил Агату по волосам. Дотронулся до сияющего щита кончиками пальцев, и их тепло защекотало. – Я просто не хочу оставлять тебя одну.

«Я не одна».

– Я не хочу оставлять вас с Софи одних, – поправился Арен.

«Ты ее чувствуешь?»

– Да, моя радость.

«Мы ее спасем?»

– Конечно, Агата. Мы ее спасем.

Глава четвертая

Император проснулся от знакомого ненавистного ощущения пробудившейся Геенны. Посмотрел в окно – темно, только возле линии горизонта – тонкий ободок более светлого неба, как знак того, что рассвет все же приближается.

Арен сел на постели и глянул на экран браслета связи. Короткий отчет Арчибальда, конечно, уже поступил.

«Размер квадрата триста метров, пространственные координаты… Демонов пока нет».

Хоть демонов пока нет. Но вряд ли это надолго.

Император обернулся к Агате и, наклонившись, погладил дочь по голове, задевая сияющие нити контура. Эн объяснила, что девочка находится в состоянии, которое называется магической комой, – она не бодрствует, но и не спит и все слышит. Магический колпак, под которым лежала Агата, считывал все жизненные показатели и передавал их на экран центрального аппарата – он находился здесь, в палате – дежурному врачу в ординаторскую и на браслет связи Эн. Но Арен знал, что его дочь все равно каждые два часа на всякий случай проверяют. Странно, ведь прошло больше двух часов. Неужели никто не заходил?

И только император подумал, как дверь палаты тихонько открылась и внутрь шагнула Эн.

– Проснулись, – произнесла она шепотом, закрывая дверь

и проходя дальше. – А так крепко спали два часа назад. Что-то разбудило?

– Геенна, – ответил Арен кратко. В предрассветном полумраке он с трудом мог разглядеть лицо девушки, но кажется, она поморщилась.

– Ясно. Поспите еще. С Агатой все в порядке, не волнуйтесь. А с Геенной пусть Арчибальд разбирается. Это его работа, а вам бы отдохнуть.

– Кто бы говорил. Разве ты сегодня дежурный врач, Эн?

Она пару секунд молчала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.